

Погода в гости

Полина К.

Полина Касымкина

Погода в гости

<https://litres.ru/74617214>

SelfPub; 2026

Аннотация

Иней рисует всю ночь, а утром по белому двору видно, кто где спал. Метель играет в прятки и вдруг утихает, чтобы папа с дочкой увидели в поле бабушкину лампу. Гром не умеет говорить тихо и очень из-за этого переживает. Облачко боится пролиться дождём. А Жара сидит над деревней и никак не может уйти сама.

В этой книге погода приходит в гости. В городской двор, на дачу, к бабушке в деревню. Её ругают, ждут, от неё прячутся. А потом оказывается, что мороз каждую ночь рисует на окне новую картину, ливень собирает под крышей остановки незнакомых людей, а одна майская градинка живёт целое лето в морозилке.

Двадцать одна сказка, от первого инея до июльской грозы. Их хорошо читать вслух детям 5–9 лет: по сказке перед сном, а утром вместе посмотреть в окно, кто пришёл сегодня.

Содержание

Иней	5
Оттепель	12
Облачко, которое боялось дождя	18
Тучка, которая училась улыбаться	24
Росинка, которая спасла цветок	30
Осенний дождь	37
Конец ознакомительного фрагмента.	41

Полина Касымкина

Погода в гости

Иней

Иней приходил в первые морозные ночи. В конце октября, иногда в начале ноября, когда днём ещё плюс, а к утру небо становится чистым и звёздным и земля остывает до самого дна.

Иней был художник. Только краска у него была одна, белая. И кисточка одна, тоньше волоса.

Он работал всю ночь, без перерыва. Каждой травинке делал белую бахрому. Каждой паутинке белые бусы. На крыши машин клал ровный седой слой, на перила крыльца мелкие иголочки, одну к одной. Рябину он обводил по краю, чтобы каждая ягода была в белой оправе.

Больше всего Иней любил, когда выходило ровно. Чтобы всё белое. Везде. Без единой дырочки.

А дырочки всё время получались.

Двор, где он работал этой осенью, был небольшой. Пятиэтажка, лавочка, три машины, старый тополь и кусты сирени вдоль забора.

Иней начал с края, с сирени. Потом обработал траву на газоне. Потом взялся за машины. Две вышли отлично, белые, гладкие, как сахарная глазурь. А на третьей, на капоте, лежала кошка.

Кошка была серая, полосатая, ничья. Ночью она всегда спала на этой машине. Мотор под капотом ещё долго хранил тепло, и кошка это знала.

– Подвинься, – сказал Иней.

Кошка не подвинулась. Кошки инея не слушают.

Иней попробовал подобраться к ней поближе. Но от кошки шло тепло, и белые иголочки таяли, не успев появиться. Вокруг кошки получалась тёмная мокрая проплешина.

Иней рассердился. Бросил кошку и пошёл к лавочке.

На лавочке ночевал воробей. Не на самой лавочке, а под ней, на перекладине, нахохлившись в шарик. Под воробьём было тоже темно и тепло.

Иней пошёл к крыльцу. Там у двери на коврике лежал соседский пёс Тузик, которого хозяин забыл пустить домой. Пёс спал, свернувшись бубликом, и вокруг него весь коврик был мокрый.

– Да что ж такое, – сказал Иней. – Как работать?

Он работал до самого рассвета. Всё, что мог, сделал белым. А дырочки так и остались.

Утром из подъезда вышли Ася и дедушка. Асе было шесть, она шла в садик. Дедушка вёл её за руку и нёс её рюкзак, потому что Ася сказала, что рюкзак сегодня тяжёлый.

Ася вышла на крыльцо и остановилась.

– Деда. Всё белое.

– Иней, – сказал дедушка. – Первый в этом году. Ночью ясно было.

Иней висел на тополе, на самой верхней ветке, и смотрел. Сейчас, думал он. Сейчас увидят дырки.

Ася их увидела почти сразу.

– Деда, а тут не белое.

Она показала на машину. На белом капоте было тёмное пятно. Круглое, с одним хвостиком сбоку.

Дедушка наклонился.

– Это кошка спала, – сказал он. – Серая наша. Видишь, свернулась, а хвост вот так положила.

– А вот тут?

Под лавочкой на перекладине было тёмное пятнышко. Маленькое, как пуговица.

– Это птичка ночевала. Воробей, наверное.

– А вот тут?

На коврик у двери было тёмное, большое, бубликом.

– А это Тузик. Его Серёга опять домой не пустил.

Ася стояла и смотрела по сторонам. Потом посмотрела под ноги. От крыльца по белой траве шла тёмная цепочка. Маленькие следы, с четырьмя кружочками.

– А это кто?

– А это ёжик, – сказал дедушка. – Видишь, к сирени пошёл. Он там под листьями живёт. Ему спать скоро, до весны.

Ася ахнула. Она этого ёжика ни разу не видела.

Иней на тополе молчал. Он не понимал.

Он делал белое. Он всю ночь старался, чтобы было ровно. А девочка смотрела не на белое. Она смотрела на дырки.

– Деда, – сказала Ася. – Получается, иней всё записал? Кто где спал?

– Получается, так, – сказал дедушка. – Он как тетрадка. Белый лист. А кто ночью был, тот и расписался.

Ася подумала. Потом подошла к лавочке, сняла варезку и положила ладонь на белое сиденье. Подержала. Убрала.

На лавочке осталась тёмная ладошка. Пять пальцев.

– И я расписалась, – сказала Ася.

Они пошли в садик. Ася всё время оглядывалась.

К обеду иней растаял. Он всегда таял к обеду, как только солнце поднималось над крышами. Таять Иней не любил, но привык. Он уходил в траву каплями, а капли уходили в землю.

Перед тем как растаять, он ещё раз посмотрел на двор. На кошкино пятно. На воробыную пуговицу. На тузиков бублик. На ежиные следы к сирени. На ладошку.

Двор был весь исписанный. Как письмо.

Иней раньше думал, что это брак. А получается, это было самое интересное.

На следующую ночь мороз был сильнее. Иней пришёл рано и работал аккуратно. Траву, паутинки, перила. Машины.

Кошка опять лежала на капоте. Иней подошёл к ней и не стал сердиться. Он обвёл её. Точно по краю, по шерсти, белой тонкой линией. Хвост обвёл отдельно.

Воробью под лавкой он сделал рамочку. Тузика на коврике в этот раз не было, хозяин всё-таки пустил его домой. Иней даже немного расстроился.

А потом он нашёл на лавочке то место, где вчера лежала Асина ладонь. Оно было как все. Белое, ровное.

Иней подумал и оставил его. Не стал трогать. Пусть будет

пусто. Пусть кто-нибудь распишется.

Утром Ася выбежала на крыльцо первая. Дедушка ещё застёгивал куртку.

– Деда! Кошка с рамочкой!

На капоте лежало тёмное пятно, и вокруг него шла белая кайма, пушистая, как воротник.

– Хм, – сказал дедушка. – Иней сегодня толстый. Сильный мороз.

Ася подбежала к лавочке. Положила ладонь. Поддержала.

– Деда, а ему не обидно, что я тут пятно сделала?

Дедушка посмотрел на лавочку. На ладошку. Потом на тополь, весь белый до макушки.

– Не знаю, – сказал он. – По-моему, он ждал.

Иней приходил всю осень, пока не выпал настоящий снег. Снег лёг толстый, и ему, Инею, стало нечего делать: снег всё делал сам. Иней ушёл на окна и на деревья, рисовать бахрому на ветках.

Но двор он помнил.

Ася тоже помнила. Когда снег растаял, весной, она нашла у сирени ёжика. Он вылез на солнце, помятый, сонный, и фыркнул на неё.

– Я тебя знаю, – сказала ему Ася. – Ты ко мне в тетрадку писал.

Ёжик ничего не понял и ушёл в сирень.

А на следующую осень, в первую ясную ночь, Ася специально выглянула в окно перед сном. На лавочку. На машины.

На серую кошку на капоте.

Утром на белой лавочке было одно ровное место. Как будто кто-то его для неё оставил.

Оттепель

Оттепель приходила зимой без спросу. Посреди января, когда все уже привыкли к морозу, к скрипу под ногами и к двум парам варежек. Приходила с юга, с мокрым ветром, и сразу становилось плюс один.

Она была тёплая и немного растрёпанная. Приходила она всегда с радостью. Ей казалось, что все соскучились по теплу.

Но её никто не ждал.

– Ну вот, – говорили во дворе. – Развезло.

– Каша под ногами.

– С крыши капает. Мне на шапку.

Дворник ругался, что снег стал тяжёлый, как цемент. Мама ругались, что дети приходят домой мокрые по пояс. Машины разбрызгивали серую кашу на тех, кто стоял на остановке.

Оттепель слушала и сжималась. Она ведь не хотела. Она просто пришла в гости.

Во дворе у пятиэтажки стоял снеговик. Его слепили в декабре, в первый снег. Слепили маленький, кривой, потому что снег тогда был сухой и рассыпался, как сахар. Его еле-еле скатали из трёх комков, долго приминали ладонями. Нос ему сделали из морковки, а глаза из пуговиц, чёрных, от старого пальто.

Слепили его Тоня и её брат Гоша. Тоне было восемь, Го-

ше пять. Гоша называл снеговика «мой дядя». Почему дядя, никто не знал.

В первую же ночь оттепели снеговик осел. Голова у него наклонилась набок. Морковка выпала и лежала в луже. Одна пуговица сползла на щёку.

Утром Гоша вышел во двор и увидел.

Он постоял. Потом подобрал морковку, вытер о куртку и попробовал воткнуть обратно. Морковка не держалась. Снег был мокрый и мягкий, и она проваливалась внутрь.

Гоша сел прямо в кашу и заревел.

Оттепель видела это с крыши. С крыши как раз капало ей на голову, но она даже не заметила.

Вот, подумала она. Вот что я делаю.

Тоня вышла следом. Подняла Гошу. Отряхнула, хотя отряхнуть мокрое нельзя, только размазать.

– Не реви. Новый слепим.

– Не слепим. Он рассыпается.

– Это в декабре рассыпался. А сейчас посмотри.

Тоня зачерпнула снег варежкой. Сжала. Снег слепился в тугой ком, тяжёлый, с водой. Тоня бросила его на землю. Ком не развалился. Он покатился и обвалился в свежем снегу. И стал больше.

Тоня посмотрела на ком. Потом на Гошу.

– Гошка. Он липкий.

Гоша перестал реветь.

Оттепель на крыше тоже посмотрела вниз. Липкий? Она

не знала. Она никогда не задумывалась, какой из-за неё снег. Она думала только, что из-за неё всё тает.

Тоня покатила ком по двору. Ком рос прямо на глазах. За ним по газону тянулась тёмная полоса, до самой травы. Ком стал Тоне по колено. Потом по пояс. Потом Тоня не могла его больше толкать одна, и подбежал Гоша. Вдвоём они упёрлись и покатали дальше.

Из соседнего подъезда вышли мальчишки, братья Самойловы. Постояли, посмотрели.

– Чего катаете?

– Дядю, – сказал Гоша.

Братья переглянулись. Через минуту они катили свой ком. Ещё через пять минут вышла девочка Катя с третьего этажа, со своей мамой. Мама сначала сказала «куда в такую слякоть», а потом сама взялась за ком, потому что Катин ком ушёл не туда и врезался в лавочку.

Через час во дворе было полно народу.

Оттепель смотрела и не понимала. Вчера все ругались. А сегодня во дворе кричат, смеются и катают снег. Тот самый, тяжёлый, мокрый.

Снеговик вышел огромный. Выше Тони, выше Катиной мамы. Нижний ком пришлось закатывать на место вчетвером. Средний поднимали всем двором, с пыхтением. Самый старший Самойлов залез на лавочку и поставил голову.

Гоша принёс морковку. Ту самую. Пуговицы тоже нашлись, обе. Мокрые, но целые.

– Это мой дядя, – объяснил Гоша всем. – Он раньше был маленький.

Рядом мальчишки строили крепость. Из мокрых кирпичей, которые лепили и резали лопаткой. Стенка получилась ровная, по пояс, с окошком. Катя украшала её снежками. Снежки лепились идеально, не разваливались.

– Вот бы всегда такой снег был, – сказал младший Самойлов.

– Всегда не бывает, – сказала Катина мама. – Это оттепель. Оттепель на крыше даже замерла.

Это она про меня, подумала Оттепель. Хорошее сказала.

Под вечер Тоня сняла варежку и приложила ладонь к стенке крепости. Мокрый снег сохранил отпечаток. Тоня приложила вторую ладонь рядом. Гоша приложил свою, маленькую.

– Это зачем? – спросил он.

– Чтоб было видно, кто строил.

Мальчишки тоже приложили. Катя тоже. Катина мама подумала и приложила тоже. Самую большую.

Ночью оттепель ушла. Ей было пора, она никогда долго не гостила. С севера пришёл мороз и ударил под двадцать.

Оттепель уходила и оглядывалась. Ей было жалко. Вот сейчас, думала она, всё замёрзнет, и всё, что мы налепили, станет просто льдом.

Так и вышло. Всё стало льдом. Утром снеговик стоял как каменный. Его можно было толкать плечом, и он не шатался.

Крепость звенела, если по ней постучать. А ладони на стенке застыли, все до одной, твёрдые, с каждым пальцем.

Самойловы пришли и попробовали её сломать, как всегда ломали крепости весной. Не вышло. Она была крепче, чем кирпичная.

– Ого, – сказал старший Самойлов. – Это теперь до весны.

Снеговик простоял до самого марта. Мороз держал его, а сделала его оттепель. Гоша каждое утро, проходя мимо, здоровался с ним за руку. Рукой у снеговика была палка от старой швабры.

Ладони на стене крепости тоже простояли до марта. Их было видно даже из окна. Тоня иногда показывала их подружкам: вот моя, вот Гошкина.

А в феврале оттепель пришла снова. Ненадолго, на пару дней. Опять закапало с крыш. Опять во дворе сказали «развезло».

Гоша выглянул в окно, увидел лужи и закричал на всю квартиру:

– Тоня! Липкий пришёл!

И первым побежал одеваться.

Облачко, которое боялось дождя

Высоко в небе жило маленькое белое облачко по имени Капелька. Оно было лёгкое и круглое, только с одного бока немного лохматое, сколько ни приглаживай. По утрам Капелька плыла над лугом и разглядывала всё внизу: жёлтые одуванчики, тропинку к речке, корову, которая каждый день паслась на одном и том же месте и никак не могла его доесть.

Смотреть Капелька любила. А больше всего на свете боялась одного: пролиться дождём.

Когда большие облака начинали темнеть и тяжелеть, Капелька отплывала от них подальше. Она видела, что бывает потом. Люди внизу бегут, накрывают головы пакетами. Бабушки снимают с верёвок бельё и ворчат. Дети шлёпают в мокрых сандалиях. Собаки отряхиваются у подъезда и обрызгивают всех вокруг.

– Нет, – говорила Капелька. – Я так не хочу. Я никого мочить не буду.

И пряталась за спину самого большого облака, какое было поблизости.

Однажды она так спряталась за одним облаком, а оно оказалось не просто большое, а ещё и очень старое. Звали его Облако. Просто Облако. Имя у него когда-то было, но так давно, что потерялось.

– Ты чего за меня всё время прячешься? – спросило Облако. – Я же не забор.

– Простите, – сказала Капелька. – Там дождь собирается. Я боюсь.

– Чего боишься? Дождя?

– Ага. Он мокрый и холодный. Все из-за него расстраиваются.

Облако долго молчало. Потом сказал:

– Все, говоришь? А давай посмотрим. Пошли вниз.

– Я не хочу вниз.

– Пониже спустимся, и всё. Не бойся, я рядом.

Они опустились пониже. Так низко Капелька никогда не была. Она видела каждую травинку. Дождь уже прошёл над лугом, и теперь всё внизу блестело.

Трава стояла мокрая и ровная. А ведь утром, Капелька помнила, она лежала серая, примятая от жары.

– Смотри, – сказал Облако. – Это она попила. Неделю не пила, а сейчас попила.

У тропинки раскрывались ромашки. Утром они были сжатые, как кулачки, а теперь развернули лепестки и стояли смирно, будто их причесали.

В канаве у дороги сидели две лягушки и орали так, что слышно было даже наверху.

– Ква! Ква! Наконец-то!

– Чего это они? – удивилась Капелька.

– Радуются, – сказал Облако. – У них в канаве вода кончилась. Теперь опять есть.

Капелька немного успокоилась. Получалось, что расстра-

иваются не все.

По дороге вдоль луга ехали два мальчишки на велосипедах. Мокрые насквозь, с волос текло. Они нарочно рулили в каждую лужу, и из-под колёс летели брызги до самых плеч. Мальчишки орали от радости.

– Им же мокро, – сказала Капелька.

– Им весело, – сказала Облако. – Мокро им будет дома, когда мама увидит.

За мальчишками шла девочка в жёлтом дождевике. Она шла медленно и смотрела вверх, высунув язык. Ловила последние капли.

– А эта чего? – спросила Капелька.

– Пробует, – сказала Облако. – Дождь вкусный, если не из города. Ты не знала?

Капелька не знала. Она вообще, оказывается, много чего про дождь не знала.

И тут она увидела зайчонка. Он сидел под кустом на краю луга, мокрый от ушей до хвоста, и дрожал. Дождь закончился, но небо было ещё серое, солнце не пробивалось. Зайчонок сидел и не знал, куда идти, чтобы обсохнуть.

– Ему же холодно, – сказала Капелька. – Вот видите? Я же говорила.

– Вижу, – сказала Облако. – Ну так помоги.

– Как?

Облако ничего не ответило. Оно никогда не отвечало, если можно было сообразить самому.

Капелька подумала. Потом посмотрела вверх. Солнце было прямо над зайчонком, только между ним и землёй висела она сама, Капелька. И ещё два облака рядом.

– Ой, – сказала она. – Это же я ему солнце закрываю.

Она отплыла в сторону. Потом подтолкнула соседние облака, чтобы и они подвинулись. Облака заворчали, но подвинулись. В просвет сразу упало солнце, прямо на куст и на мокрого зайчонка.

Зайчонок зажмурился. Посидел. Потом от него пошёл пар, как от чайника. Уши высохли и встали. Зайчонок отряхнулся, посмотрел на небо и запрыгал домой.

– Вот, – сказала Облако. – Дождь можно по-разному пролить. Можно залить всех подряд. А можно напоить траву, а потом отойти и пустить солнце. Тут голова нужна, а не страх.

Капелька долго не решалась. Она плыла домой и думала. Ей всё ещё было немного страшно. Но уже не так.

Через несколько дней над деревней встала жара. Огороды пожелтели. Бабушка в крайнем доме ходила с лейкой от бочки к грядкам и обратно, а бочка была уже почти пустая. Капелька смотрела на это сверху. Смотрела, смотрела. Потом спустилась пониже, прямо над огородом, и пролилась.

Немного. Только на этот огород и чуть-чуть на соседний. Капли стучали по листьям капусты, как по барабану.

Бабушка поставила лейку, подняла голову и сказала:

– Ну наконец-то. Спасибо.

Потом подумала и добавила:

– Только бельё не намочи.

Капелька засмеялась и отплыла от верёвки с бельём.

С тех пор она больше не пряталась. Когда надо было, проливалась. Когда не надо, отходила и пускала солнце. А над той деревней проплывала нарочно медленно и всегда проверяла, висит ли на верёвке бельё.

В деревне про неё скоро догадались. Бабушка из крайнего дома теперь говорит соседке:

– Белое облачко с лохматым боком видела? Значит, к вечеру будет дождик. Немного, но будет. Бельё снимай.

Тучка, которая училась улыбаться

В небе жила маленькая серая тучка по имени Серенька. Она была ещё совсем молодая и почти всё время грустила. Ей казалось, что она никому не нужна.

Солнце светит, и все радуются. Выходят во двор, щурятся, подставляют лицо. А стоит Сереньке выплыть, и внизу сразу начинается:

– Ну вот, опять тучи.

– Зонт бери.

– Дети, домой!

Серенька слышала это каждый раз. И каждый раз ей хотелось стать поменьше.

– Зачем я вообще тут? – вздыхала она. – Солнце всех греет. А я только закрываю.

Однажды мимо пролетал Ветер. Ветер был старый, он облетел весь свет и много чего видел. Говорил он мало, зато по делу.

– Ветер, – позвала его Серенька. – Можно спросить?

– Спрашивай.

– Почему все любят солнце, а меня никто?

Ветер покрутился на месте, подумал.

– А кто тебе сказал, что никто?

– Сама вижу. Все прячутся.

– Прячутся от дождя, а не от тебя. Это разные вещи. Ты вот что. Ты представь, что тебя совсем нет. Ни тебя, ни дру-

гих туч. Одно солнце. Каждый день.

– Ну и что? Всем хорошо будет.

– Это ты так думаешь. Пойдём, посмотришь.

Ветер подхватил Сереньку и понёс над полями, над посёлком, над рекой. Стояло лето, и уже две недели не было ни одного дождя.

Сначала они пролетели над садом. В саду девочка лет семи поливала цветы. Лейка была большая, девочка маленькая. Она носила лейку от колонки к клумбе двумя руками, ставила, отдыхала, поливала и шла обратно. Цветы у неё были хорошие, яркие, но земля под ними стала совсем светлая, сухая.

– Видишь? – сказал Ветер. – Это она с утра так ходит. Двенадцатый раз уже.

– А почему?

– Потому что дождя нет. Тебя нет.

Серенька посмотрела на девочку. У девочки была мокрая чёлка, и она её всё время сдувала.

– А как я могу помочь? – спросила Серенька.

– Дождик пролей. Только немного. Чтоб не смыло.

Серенька никогда раньше не проливалась нарочно. Она набрала побольше воздуха, сжалась и выпустила несколько капель. Потом ещё. Капли упали на клумбу, на листья и девочке на нос.

Девочка подняла голову. Сначала удивилась. Потом поставила лейку на землю и засмеялась.

– Спасибо, тучка! – крикнула она. – А то у меня уже руки отваливаются!

Серенька ничего не ответила. Она так растерялась, что чуть не пролила вообще всё. Ветер еле успел её оттащить.

На следующий день они полетели за реку. Там было поле, на поле росла картошка. По краю поля ходил фермер в кепке и смотрел на ботву. Ботва поникла и пожелтела.

– Ему тоже надо? – спросила Серенька.

– А ты как думаешь? – сказал Ветер.

Серенька подумала и сама полетела к полю. Её даже уговаривать не пришлось.

Над полем она пролилась подольше. Фермер снял кепку, поставил лицо и долго так стоял.

– Ну наконец-то, – сказал он. – Ну молодец.

Он, наверное, говорил это просто небу. Но Серенька всё равно решила, что ей.

С тех пор она поняла, куда смотреть. Летала над садами и огородами, над пересохшим ручьём, над газоном у школы. Где земля посветлела, туда и проливалась. Один раз пролилась над детской площадкой, а потом сразу отплыла в сторону, и сквозь капли выглянуло солнце. Над горкой встала радуга. Дети закричали так, что Серенька даже немного испугалась.

А один раз вышло нехорошо.

Серенька пролилась над лесом и увидела под ёлкой птичку. Маленькую, взъерошенную. Птичка сидела, сжавшись в

комок, и не летела.

– Ты чего тут? – спросила Серенька.

– Тебя пережидая, – ответила птичка. – У меня перья намокнут, и я до гнезда не долечу. А там птенцы.

Серенька растерялась. Она так старалась, а тут опять кому-то из-за неё плохо.

– Я не хотела, – сказала она. – Я думала, тут всем надо.

– Мне не надо, – сказала птичка. – Мне надо домой.

– Тогда я подожду, – сказала Серенька. – Лети. Я потом.

Она перестала капать и замерла. Птичка недоверчиво посмотрела вверх. Потом встряхнулась и полетела. Серенька висела и ждала, пока та не скроется за верхушками.

Потом всё-таки пролилась. Ёлкам тоже надо.

Вечером она рассказала об этом Ветру.

– Получается, кому-то надо, а кому-то нет, – сказала она. – Как же тогда понять?

– А ты смотри, – сказал Ветер. – Не лей на всех сразу. Сначала посмотри вниз, потом лей. Солнце, кстати, тоже не всегда кстати. В жару от него все в тень прячутся. Я сам видел.

Серенька подумала, что Ветер прав. Про солнце она как-то не подумала.

На другой день она решилась и заговорила с самим Солнцем. Раньше боялась: Солнце большое, важное, а она кто.

– Вам не обидно, что я вас закрываю? – спросила Серенька.

Солнце засмеялось.

– Обидно? Да я жду, когда ты придёшь. Я ведь само себя выключить не могу. Свечу и свечу, а внизу всё сохнет. Люди на меня шурятся, цветы вянут. Ты придёшь, прикроешь, польёшь, и мне легче. Мы с тобой вдвоём работаем. Ты не знала?

Серенька не знала. Она весь день потом летала задумчивая.

С тех пор Серенька стала умнее. Она уже не проливалась где попало. Сначала смотрела: где сухо, где земля трескается, где девочка с лейкой. Туда и шла. А где сушили сено или где у бабушки на верёвке висели простыни, там пролетала мимо.

Внизу это скоро заметили.

– Тучка хорошая пошла, – говорил фермер соседу. – С понятием.

А девочка из сада, когда видела над домом серое облачко, бежала к окну и махала ей рукой.

Серенька больше не грустила. Она даже научилась улыбаться, хотя тучке это, честно сказать, непросто: она же серая. Но если присмотреться, видно. Улыбка у неё такая: сначала дождик, а потом из-за края солнце.

Росинка, которая спасла цветок

Роса приходит на луг ночью. Днём её нет, днём луг сухой и горячий. А ночью воздух остывает, трава остывает, и на каждой травинке, на каждом листике садятся капли. Сами, из воздуха. Никто их не приносит.

Одну из таких капель звали Искорка. Искоркой её прозвали потому, что утром на солнце она блестела сильнее других. А вообще была росинка как росинка.

У росы короткая жизнь. Ночь и немножко утра. Зато утро у неё главное.

Когда встаёт солнце, луг загорается весь. Каждая капля ловит свет и сверкает. Красным, зелёным, синим, смотря как повернуться. Росинки этого ждут всю ночь. Сидят на самых кончиках травинок, на самых верхушках листьев, чтобы было лучше видно, и ждут. Потом солнце поднимается выше, становится жарко, и роса уходит обратно в воздух. До следующей ночи.

– Главное, сесть повыше, – учили Искорку старшие росинки. – И не скатиться. Скатишься вниз, в траву, тебя никто не увидит.

Искорка садилась повыше.

Однажды Искорка села на колокольчик.

Колокольчик рос на сухом бугорке, на краю луга, у самой дороги. Он стоял совсем один. Остальные колокольчики росли ниже, у ручья, а этот, видно, когда-то упал сюда семечком.

Листья у него свернулись трубочкой, стебель лёг набок.

Лето было жаркое. Дождя не было давно.

– Ты чего такой? – спросила Искорка.

– Пить хочу, – сказал колокольчик. – Земля как камень.

Корни ничего не находят.

– А роса? Мы же каждую ночь на тебя садимся.

– Садитесь, – сказал колокольчик. – Наверху. А утром блестите и улетаете. А мне туда, вниз, к корням надо. Наверху мне от вас никакого толку.

Искорка посмотрела вниз. Стебель был длинный. Внизу, у самой земли, было темно и сухо. Солнце туда не доставало. Если скатиться туда, никто не увидит, как она блестит. Никто вообще её не увидит.

Колокольчик больше ничего не сказал. Он не просил. Он только спросил, а это не одно и то же.

Солнце уже поднималось. Край неба над лесом стал жёлтым. Сейчас начнётся.

Искорка сидела на верхнем листе и смотрела на восток. Это было её утро. Её единственное утро. Она его ждала всю ночь.

А потом посмотрела вниз ещё раз.

И скатилась.

Она бежала по стеблю, по жилке, по листику, ниже, ниже, в самую темноту. Шлёп. Упала на землю у самого корня и сразу впиталась.

– Ой, – сказал колокольчик. – Холодная.

– Ну извини.

– Да нет. Это хорошо.

Наверху над лугом встало солнце. Луг загорелся весь, от края до края. Искорка этого не видела. Она была внизу, в земле. И даже немножко жалела.

Но одной капли было мало. Земля выпила её и не заметила. Колокольчик приподнял один листик, только один.

На следующую ночь Искорка снова появилась на лугу. Росинки ведь возвращаются. Каждую ночь, из воздуха, туда же, где были. Искорка села на колокольчик и сразу позвала соседа.

– Девочки. Тут цветок пропадает. Скатитесь со мной утром, а?

– Вниз? – удивилась одна. – Утром? Да ты что. Утром блестеть надо.

– Утром нас все видят, – сказала другая.

– Кто видит? – спросила Искорка. – Тут дорога. Тут никто не ходит.

Росинки поворчали. Потом одна, самая маленькая, сказала:

– Ладно. Я с тобой.

За ней ещё одна. Потом ещё. Потом много.

На соседней травинке сидел кузнечик и смотрел на всё это с большим сомнением.

– Вы куда? – спросил он. – Солнце ж сейчас.

– Там цветок, – сказала Искорка.

– Цветок, – повторил кузнечик. – Ну-ну.

Но никуда не ускакал. Сидел и смотрел.

Перед самым рассветом росинки скатились по колокольчику вниз. Получалось не у всех. Кто-то срывался с листа и улетал в траву мимо. Но те, кто попадал, падали к корню, и земля под колокольчиком становилась тёмной и мягкой.

Утро над лугом в тот день было обычное, яркое. А на колокольчике никто не блестел. Колокольчик стоял тёмный, мокрый у самой земли.

К вечеру он выпрямился. Листья развернулись. На макушке у него висел бутон, и бутон тоже поднял голову.

Так они и делали. Каждую ночь садились на колокольчик, каждое утро скатывались вниз. Искорка научилась бегать по стеблю быстро, почти никогда не промахивалась. Росинки с соседних травинок сначала смеялись. Потом стали спрашивать: ну как там ваш?

Через неделю колокольчик расцвёл. Цветок вышел синий-синий и висел прямо над дорогой.

Как-то по дороге шла девочка с бабушкой. Шли рано, на автобус, когда трава ещё мокрая. Девочка увидела колокольчик и присела на корточки.

– Бабуль, смотри. Он тут один. Как он вырос, тут же сухо? Бабушка подошла, посмотрела.

– Роса, наверное, поливает, – сказала она. – Видишь, у корня мокро.

– А наверху сухо.

– Ну, значит, роса умная. Знает, куда надо.

Девочка подумала. Потом достала из рюкзака бутылку с водой и посмотрела, сколько там осталось. Половина. Она вылила немного под колокольчик. Аккуратно, чтобы не размыть землю.

– А сама пить? – спросила бабушка.

– Я в городе попью, – сказала девочка.

Бабушка ничего не сказала. Только взяла её за руку покрепче, и они пошли на автобус.

На следующий день девочка пришла опять, уже с маленькой лейкой. И потом приходила всё лето. Поливала колокольчик, а заодно и цветы вокруг. Через месяц на бугорке у дороги росли уже несколько колокольчиков и ромашка.

Однажды колокольчик сказал Искорке:

– Слушай. А ты же так ни разу и не блестела. С того утра.

– Ну и что, – сказала Искорка.

– Как ну и что. Ты же этого ждала.

Искорка не нашлась, что ответить. Она вообще не любила, когда про неё говорят.

– Всё, – сказала она. – Солнце скоро. Мне вниз.

И скатилась.

Осенью колокольчик отцвёл, как все колокольчики. Но перед этим уронил в землю семена. И следующим летом на бугорке у дороги их было уже много, синих, целая полянка.

Теперь росы на них хватает на всех. Одни росинки скатываются вниз, к корням. А другие остаются наверху и блестят.

По очереди.

Если окажетесь там рано утром, поищите, какая капля блестит сильнее других. Только смотрите не на верхушки, а пониже, у самой земли. Искорка иногда задерживается там, у корня, и тогда солнце достаёт и до неё.

Осенний дождь

Осенний дождь пришёл в начале октября и остался. Не на день, не на два. Он зарядил.

Так про него и говорили:

– Зарядил.

И вздыхали.

Осенний дождь был не такой, как летний. Летний налетит, нашумит, промочит всех до нитки и убежит, а потом солнце. Осенний никуда не торопился. Он шёл ровно, мелко, с утра до вечера и с вечера до утра. Не сильнее и не слабее. Одинаково.

Он и сам знал, что одинаковый. Он умел только одно: стучать. Кап-кап. По крыше. По листьям. По лужам. Кап-кап.

– Скучный ты, – сказал ему как-то летний ливень, когда пролетал мимо на юг. – Ни грома у тебя, ни молний. Сыплешь и сыплешь.

Осенний дождь ничего не ответил. Он и сам так про себя думал.

В том городе, где он зарядил, в новый дом на окраине въехала семья. Мама, папа и Вика. Вике было семь.

Дом был новый, квартира новая. Всё пахло краской. Шкафы стояли пустые, коробки неразобранные. На кухне вместо стола стояла самая большая коробка, на ней ели.

Вике в новой квартире не нравилось. Особенно ночью.

В старой квартире, у бабушки, где они жили раньше, всё

было знакомое. Скрипела третья половица от двери. Гудел холодильник. За стенкой у соседей тикали часы, и Вика под них засыпала. А тут ничего не скрипело и не тикало. Тут было тихо. Тихо так, что звенело в ушах.

Вика лежала в темноте и не могла уснуть. Третью ночь подряд.

Осенний дождь шёл над новым домом и стучал, как всегда. По крыше. По карнизам. По подоконникам.

На Викином окне снаружи был железный отлив. Новый, гладкий, жестяной. Дождь стукнул по нему.

Тук.

Отлив отозвался звонко, как маленький барабан.

Вика открыла глаза.

Тук. Тук-тук.

Дождь удивился. Он сто раз стучал по подоконникам. Но этот отлив был новый, тонкий, и звенел по-особенному. Дождь стукнул ещё раз, проверить.

Тук.

Вика села в кровати. Посидела. Потом встала, подошла к окну, отодвинула штору и прижалась ухом к стеклу.

Тук-тук-тук. Тук. Тук-тук.

Это было похоже на часы у бабушкиных соседей. Не совсем, но похоже. Вика постояла так, послушала. Потом вернулась в кровать и легла лицом к окну.

Через несколько минут она спала.

Дождь этого не понял. Он просто стучал дальше. Он же

больше ничего не умел.

Утром за завтраком на коробке Вика сказала:

– Пап. А у тебя есть кастрюля, которая не нужна?

– Зачем?

– Надо.

Папа порылся в коробках. Ненужной кастрюли не нашлось, нашёлся старый ковшик с отбитой эмалью. И ещё жестяная банка из-под печенья. И пустое ведро, оцинкованное, в котором приехали тряпки.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.